Порвалась дней связующая нить

Автор:
Филип Дик

Порвалась дней связующая нить

Филип Киндред Дик

Филип К. Дик. Электрические сны

У Рэгла Гамма уникальное хобби: каждый день он участвует в конкурсе местной газеты и каждый день выигрывает. В остальное время он наслаждается спокойной жизнью в родном маленьком городке. Но вдруг начинается череда странных событий – найден телефонный справочник, содержащий несуществующих абонентов, в журнале пишут о популярной кинозвезде Мэрилин Монро, фильмы с которой он ни разу не видел. Знакомые предметы исчезают, а вместо них лежат подозрительные ярлыки с названиями.

Остается только уехать из этого поддельного мирка. С какой реальностью столкнется Рэгл, когда растворится последняя иллюзия?

Филип Киндред Дик (1928—1982) написал 121 рассказ и 45 романов, переведенных более чем на 25 языков. Он признан одним из самых ярких визионеров современности. По многим произведениям сняты кинофильмы и сериалы, такие как «Бегущий по лезвию», «Вспомнить все», «Особое мнение», «Человек в Высоком Замке», «Электрические сны Филипа К. Дика» и другие.

«Замечательно, забавно до ужаса, особенно если вы хоть раз подозревали, что мир нереален и создан исключительно для того, чтобы вы не знали, кто вы на самом деле». – Rolling Stone

Филип Дик

Порвалась дней связующая нить

Глава 1

Виктор Нильсон выкатил из подвала магазина тележку с зимним картофелем и направился к овощному отделу. Контейнер был почти пуст, и Вик принялся бросать в него клубни, осматривая каждый десятый на предмет трещин и гнили. Одна картофелина упала на пол; нагнувшись за ней, он увидел снизу кассовые аппараты, табачные и кондитерские прилавки, а дальше – широкие стеклянные двери и улицу. По тротуару шли прохожие, на проезжую часть со стоянки у магазина выехал, блеснув бампером, «фольксваген».

– Приезжала моя жена? – спросил Вик рослую кассиршу из Техаса по имени Лиз.

– Понятия не имею, – ответила Лиз, выбивая чек на два пакета молока и кусок постного мяса.

Преклонных лет покупатель полез в карман за кошельком.

– Я ее жду. Дай знать, если она появится.

Марго должна была отвезти их десятилетнего сына Сэмми к дантисту на рентген. Стоял апрель – время уплаты налогов, на счете почти ничего не оставалось, и Вик со страхом думал о результате рентгена.

Наконец он не выдержал и подошел к таксофону возле полки с консервированными супами, опустил десять центов и набрал номер.

– Алло, – ответила Марго.

– Съездили?

– Пришлось позвонить доктору Майлу и перенести визит, – затараторила Марго. – За завтраком я вспомнила, что сегодня мы с Анной Рубинштейн должны

подавать петицию в комиссию по здравоохранению, ее сегодня же передадут выше: сейчас как раз заключаются контракты и от этого многое зависит.

– Какую петицию? – спросил Вик.

– Надо заставить городские власти очистить развалины – дети играют в них после школы. Это опасно. Там ржавая проволока, треснувшие цементные плиты и…

– А по почте ее нельзя отправить? – перебил он, испытывая тайное облегчение. Бог даст, зуб у Сэмми до следующего месяца не выпадет. – Так ты за мной приедешь?

– Не знаю, – сказала Марго. – Послушай, дорогой, у нас сейчас полная гостиная женщин, мы обсуждаем последние пункты петиции. Если я не смогу забрать тебя, то позвоню в пять или чуть позже. Хорошо?

Повесив трубку, он подошел к кассе. Покупателей не было, и Лиз закурила сигарету. Она доброжелательно ему улыбнулась, отчего лицо ее словно засветилось.

– Как ваш мальчик?

– Отлично, – сказал Вик. – Небось рад, что они никуда не пошли.

– А мой дантист – чудный старикашка, – замурлыкала Лиз. – Ему, наверное, лет сто. Никогда не сделает больно. Чего-то там поковыряется – и готово.

Оттянув губу ярко-красным ногтем, она продемонстрировала золотое напыление на одном из верхних моляров. Вик наклонился посмотреть и поймал ее дыхание – сигаретный дым с корицей.

– Видишь? Вытащил за милую душу, и ничуть не больно. Ну ничуть!

«Интересно, что сказала бы Марго, войди она сейчас через автоматическую дверь? Заглядываю Лиз в рот: новое эротическое действо, еще не описанное Кинси».

К полудню магазин совсем опустел. А ведь обычно покупатели сплошным потоком двигались мимо касс. Сокращение штатов, решил Вик. В феврале было пять миллионов безработных. Начинает сказываться и на нас. Подойдя к дверям, он некоторое время разглядывал прохожих. Так и есть. Людей меньше, чем обычно. Все сидят по домам и подсчитывают сбережения.

– В этом году дела идут туго, – сказал он Лиз.

– А тебе-то что? – ответила она. – Ты не владелец магазина, просто тут служишь, как и все мы. Значит, и заботы меньше.

Какая-то покупательница принялась выкладывать продукты у аппарата, Лиз выбивала чеки, продолжая через плечо говорить с Виком.

– В любом случае я не верю, что наступит упадок. Все это выдумки демократов. Ужас как надоело, когда они пытаются изобразить экономический хаос…

– А ты не демократка? – перебил Вик. – Ты же с Юга.

– Теперь уже нет – с тех пор как приехала сюда. Это республиканский штат, и я республиканка.

Кассовый аппарат заурчал и звякнул, выдвинулся ящичек с деньгами.

Реклама закусочной «Американский обед» на другой стороне напоминала Вику о дневной чашечке кофе. Пожалуй, самое время. Повернувшись к Лиз, он сказал:

– Я буду минут через десять. Продержишься?

– Ну конечно, – весело откликнулась девушка, выдавая сдачу. – Сходи, а потом и я выберусь, надо кое-что купить.

Держа руки в карманах, Вик вышел из магазина и остановился на тротуаре, ожидая просвета в потоке машин. Он никогда не переходил дорогу на перекрестке – только посреди улицы: считал это делом чести и мужского достоинства.

В кафе Вик уселся за столик, рассеянно помешивая свой кофе.

– Мертвый день, – сказал, подсаживаясь к нему, Джек Барнс, продавец обуви из «Мужских моделей» Самуэля.

Джек, как всегда, выглядел несчастным, словно целый день жарился и потел на солнце в своей нейлоновой рубашке и брюках.

– Наверное, это погода, – продолжал он. – Еще несколько хороших весенних дней, и все кинутся покупать теннисные ракетки и походные примуса.

В кармане у Вика лежал последний буклет из клуба «Книга месяца». Они с Марго вступили в клуб несколько лет назад, когда выплатили взнос за дом и переехали в район, где подобные вещи очень ценились.

Вытащив брошюру, он развернул ее на столе так, чтобы видно было Джеку. Продавец обуви не проявил никакого интереса.

– Вступай в клуб книголюбов, – предложил Вик. – Расширяй кругозор.

– Я читаю книги, – ответил Джек.

– Ну да. В мягкой обложке, ты покупаешь их в аптеке Бекера.

– Стране нужна наука, а не романы, – заметил Джек. – Ты сам прекрасно знаешь, что в этих клубах расхваливают секс-книжонки про то, как в маленьких городишках людей насилуют и режут, а ты сидишь по уши в грязи. Не скажу, чтобы это шло на пользу американской науке.

– Клуб «Книга месяца» распространял и «Историю» Тойнби, – сказал Вик. – Это стоит почитать. – Книга досталась ему в качестве премии, и, хотя он не добрался до конца, было ясно, что это серьезный труд, который стоит иметь в своей библиотеке. – Как бы ни были плохи некоторые книги, – продолжал он, – они не хуже этих подростковых секс-фильмов или картин про поиски наркотиков.

Шевеля губами, Джек прочел названия лучших книг месяца.

– Исторический роман, – произнес он. – Про Юг времен Гражданской войны… Вечно навязывают какую-то муть! Интересно, как эти старухи, члены клуба, не устают без конца читать одно и то же.

Вик еще не успел толком просмотреть брошюру.

– Мне не всегда достается то, что у них есть, – объяснил он.

Книга месяца называлась «Хижина дяди Тома». Об авторе он никогда раньше не слышал: Гарриет Бичер-Стоу. В брошюре книгу расхваливали за смелое разоблачение работорговли в довоенном Кентукки. Правдивый документ об ужасном обращении с несчастными черными девочками.

– Эка! – воскликнул Джек. – Слушай, это, пожалуй, по мне!

– По аннотациям судить нельзя, – отозвался Вик. – Все книги тех лет рекламируются одинаково.

– Точно, – подтвердил Джек. – Вообще у людей не осталось ничего святого. Ты сравни-ка довоенное с нынешним: все по-другому. До Второй мировой не было этой нечестности, преступности, всяческих мерзостей и наркотиков. Подростки громят автомобили, на дорогах ужас что творится, а водородные бомбы… и еще – цены на кофе. Кошмар! Кому только идет награбленное?

На эту тему они поспорили. День тянулся медленно, сонно, ничего или почти ничего не происходило.

***

В пять Марго Нильсон схватила плащ, ключи от машины и выскочила из дома. Сэмми нигде не было видно. Где-то играет, но искать его времени нет, надо спешить, иначе Вик решит, что она не заедет, и пойдет на автобус. Марго снова вбежала в дом. В гостиной ее брат оторвался от банки с пивом и пробормотал:

– Уже вернулась?

– Я не уезжала. Не могу найти Сэмми. Ты присмотришь за ним, пока меня не будет?

– Конечно, – сказал Рэгл. Но лицо его было настолько измученным, что Марго тут же передумала уезжать.

Он властно смотрел на нее красными воспаленными глазами; галстука на нем не было, рукава рубашки засучены, рука с банкой пива дрожала.

Вся комната была завалена бумагами и графиками, они образовывали большой круг, в центре которого находился Рэгл. Казалось, ему никогда не выбраться из этих завалов.

– Не забудь, мне надо успеть на почту к шести, – жестко проговорил он.

Перед Рэглом покосившейся шелестящей кипой громоздились папки. Он годами собирал материал. Справочники, карты, графики и все ответы, которые он посылал раньше, месяц за месяцем… Он всеми способами сокращал варианты так, чтобы их можно было изучать. Прибор последовательной развертки, по его словам, уже разработан; на темном фоне всех возможных вариантов яркой точкой высвечивались правильные ответы. Устройство позволяло пропускать варианты один за другим, при этом точка пульсировала: вспыхивала и пропадала, металась вверх и вниз, и в этом движении Рэгл находил определенную закономерность. Марго не улавливала здесь ничего. Поэтому, наверное, Рэгл и побеждал. Она несколько раз участвовала в конкурсе, но безуспешно.

– Как идут дела? – спросила Марго.

– Мне удалось определиться по времени. В четыре часа дня. Теперь осталось, – он поморщился, – узнать место.

К длинной фанерной доске над столом была приколота сегодняшняя заявка на официальном бланке, присылаемом газетой. Сотни крошечных квадратиков, каждый пронумерован и учтен. Рэгл уже поставил отметку в графе времени. Графа 344, Марго видела воткнутую красную иголку. Оставалось место. Очевидно, это было труднее.

– Отключись ты на несколько дней, – не выдержала она. – Отдохни. Последние два месяца ты явно перерабатываешь.

– Если отключусь, – сказал Рэгл, поскрипывая вечным пером, – то потеряю все свои преимущества, потеряю, – он пожал плечами, – все, что завоевал, начиная с пятнадцатого января.

Он просчитывал на логарифмической линейке точку пересечения линий.

Каждый заполненный им бланк становился, в свою очередь, информацией для картотеки. Таким образом, пояснял Рэгл сестре, с каждым разом у него возрастали шансы на правильный ответ. Чем дольше продолжался конкурс, тем легче для него. Но ей казалось, что он с каждым разом мучается все сильнее. «Почему?» – спросила она однажды.

– Потому, что я не могу допустить проигрыша, – объяснил он. – С каждым правильным ответом мой вклад увеличивается.

Конкурс продолжался; временами Рэгл не успевал подсчитывать выигрыши.

Он всегда побеждал. Нашел хорошее применение своему таланту. Все началось с шутки, попытки сорвать пару долларов за удачную догадку. Шутка превратилась в ежедневный приработок, а потом – в непосильную ношу, которую уже не бросить.

«Наверное, они этого и добиваются, – подумала Марго. – Им главное – тебя втянуть, а там, может быть, и жизни не хватит, чтобы набрать нужное количество очков».

Однако Рэгл набрал, и «Газетт» регулярно платила ему за правильные ответы. Кажется, получалось не меньше сотни долларов в неделю. Жить во всяком случае было можно. Но он трудился так напряженно… гораздо, между прочим, напряженнее, чем на обычной работе. С восьми утра, когда газету бросали на крыльцо, и до девяти или десяти вечера. Непрерывный поиск. Совершенствование методов. И самое главное – постоянный страх ошибки. За неправильный ответ сразу же дисквалифицировали.

Рано или поздно это все равно случится.

– Принести кофе? – спросила Марго. – Могу, пока не ушла, приготовить сэндвич или еще что-нибудь. Я же знаю, что ты ничего не ел.

Не отрываясь от работы, Рэгл кивнул.

Положив плащ и сумочку, она направилась к холодильнику. Пока доставала тарелки, распахнулась дверь и появились Сэмми с соседской собакой, оба взъерошенные и запыхавшиеся.

– Услышал, как хлопнул холодильник? – спросила Марго.

– Я правда хочу есть! – воскликнул Сэмми. – Можно, я возьму холодную котлету? Не надо ее разогревать, съем как есть. Так даже лучше!

– Иди садись в машину, – велела мать. – Сейчас я сделаю сэндвич дяде Рэглу, и мы едем в магазин за папой. И выгони немедленно этого пса, он здесь не живет!

– Ладно, – вздохнул Сэмми. – В магазине наверняка найдется что поесть.

Марго услышала, как за ним и собакой захлопнулась дверь.

– Я нашла Сэмми, – сообщила она Рэглу, внося сэндвичи и яблочный сок. – Так что можешь о нем не волноваться, я беру его с собой в город.

Рэгл взял сэндвич и произнес:

– Может, лучше мне было бы играть на скачках?

– Ты бы там ничего не выиграл, – рассмеялась Марго.

– Пожалуй.

Он машинально начал есть, но к яблочному соку не притронулся. Вместо него приложился к банке с пивом, которую нянчил уже целый час.

«Как он может делать такие сложные вычисления под теплое пиво? – успела подумать Марго. И выбежала к машине с плащом в руке. – Видно, привык. В армии накачивался теплым пивом через день».

Целых два года Рэгл и его напарник обслуживали метеостанцию и радиопередатчик на крошечном атолле в Тихом океане.

К концу дня движение, как всегда, оживилось. Но «фольксваген» проскакивал во все щели, и это ей нравилось. Большие и неуклюжие машины напоминали увязших в песке земляных черепах.

«Самое удачное наше вложение, – подумала Марго. – Небольшая иностранная машина. И совершенно не изнашивается: эти немцы делают все так аккуратно. Вот только сцепление не довели до ума, каждые пятнадцать тысяч миль… Собственно, ничего идеального не бывает, во всяком случае в наш век – с водородными бомбами, Россией и растущими ценами».

Прижавшись к окну, Сэмми хныкал:

– Ну почему мы не можем купить такой «мерс»? Почему мы должны ездить на этом жуке?

Разозлившись на сына, Марго сказала:

– Послушайте, юноша! Вы ничего не понимаете в машинах. Вам пока не приходится за них платить, ездить по этому чертову городу, а главное – приводить в порядок. Так что держите свои замечания при себе.

Насупившись, Сэмми буркнул:

– Она все равно что детская.

– Скажи об этом своему отцу, когда приедем в магазин.

– Боюсь, – признался Сэмми.

Забыв включить мигалку, Марго повернула налево, и огромный автобус ей резко просигналил. Черт бы взял эти автобусы! Перед самым магазином она перешла на вторую передачу, заехала на тротуар и мимо огромной неоновой рекламы «СУПЕРМАРКЕТ “ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ”» въехала на автостоянку.

– Приехали. Надеюсь, мы его не пропустили.

– Давай выйдем, – запросился Сэмми.

– Нет, – отрезала мать. – Подождем здесь.

В магазине кассиры заканчивали обслуживать длинную разношерстную очередь, многие покупатели толкали перед собой корзины из нержавеющей стали. Автоматические двери без конца открывались и закрывались. Со стоянки отъезжали автомобили.

Мимо них скользнул роскошный ярко-красный «такер».

Они уставились ему вслед.

– Этой женщине можно позавидовать, – пробормотала Марго. «Такер» был так же удобен и прост, как их «фольксваген», и в то же время отличался благородством форм. Конечно, это слишком большая машина, чтобы быть практичной. Тем не менее…

Может быть, на следующий год, подумала Марго. Когда придет время продать «фольксваген». Правда, их нет смысла продавать – служат вечно. И если продавать, то с выгодой. Во всяком случае, свои деньги всегда можно вернуть.

Красный «такер» влился в дорожный поток.

– Ух! – выдохнул Сэмми.

Марго не сказала ничего.

Глава 2

Этим же вечером в семь тридцать Рэгл Гамм выглянул в окно гостиной и заметил, что соседи по фамилии Блэк пробираются в темноте по тропинке, явно намереваясь нанести визит. В свете уличного фонаря было видно, что Джуни Блэк тащит какую-то картонную коробку. Он застонал.

– Что случилось? – спросила Марго. Она и Вик смотрели в комнате по телевизору Сида Цезаря.

– Гости, – произнес Рэгл, вставая. Одновременно раздался звонок в дверь. – Соседи, – пояснил он. – Притворяться, что нас нет, бессмысленно.

– Может, они сами уйдут, когда увидят, что мы смотрим телевизор? – сказал Вик.

Блэки, в стремлении забраться на следующую ветвь социального древа, открыто выражали свое негодование по поводу телевидения. У них вызывало отвращение все, что появлялось на экране, – от бетховенского «Фиделио» в исполнении Венского оперного театра до клоунов. Однажды Вик высказал предположение, что, если бы о втором пришествии Христа объявили по телевизору, Блэки не сдвинулись бы с места.

На это Рэгл заметил, что первым сигналом о начале Третьей мировой войны, о взрывах водородных бомб будут погасшие экраны телевизоров. А Блэки либо вообще ничего не заметят, либо посмеются. Закон выживания, сказал Рэгл. Те, кто не научится реагировать на новые раздражители, погибнут. Приспособиться либо исчезнуть… извечный выбор.

– Я открою, раз уж вам обоим лень пошевелиться. – Марго поднялась с дивана и поспешила к парадной двери. – Привет! – Рэгл услышал ее восклицание: – А что это? Что это? Ой, горячее!

Донесся молодой, уверенный голос Билла Блэка:

– Это ласэнь. Поставь горячую воду…

– Я приготовлю кофе по-итальянски, – заявила Джуни, проходя на кухню с коробкой итальянской еды в руках.

Черт, подумал Рэгл. Поработать уже не удастся. Почему они прутся сюда со своими новинками, когда им вздумается? Неужели никого больше не знают?

На этой неделе кофе по-итальянски. На прошлой – ласэнь. Сегодня и то и другое. Наверное, хорошее сочетание, хотя крепкий и горький итальянский кофе казался ему пережаренным.

Появился Билл Блэк и дружелюбно бросил:

– Привет, Рэгл, привет, Вик!

На нем, как всегда, был его повседневный костюм – высокий воротничок на пуговицах, узкие брюки и… и, конечно, его прическа. Безмодельная стрижка, которая сразу же напоминала Рэглу об армейских парикмахерах. А может, старательные молодые служаки вроде Билла Блэка просто стремились подчеркнуть свою принадлежность к огромному чиновничьему механизму.

Билл, например, работал в муниципалитете, в отделе водоснабжения. Каждый божий день пешком, не на машине, он бодро шагал по улице, в своем однобортном костюме напоминая зерно фасоли: настолько бессмысленно и неестественно тесными были пиджак и брюки. И такими же старомодными. Понаблюдать за тем, как Билл Блэк вышагивает возле дома утром и вечером, было все равно что посмотреть старое кино. Впечатление усиливала слишком быстрая, подпрыгивающая походка Билла. У него даже голос такой, подумал Рэгл. Торопливый, слишком громкий. Резкий.

Но своего он добьется, это Рэгл признавал. Странно устроен мир: таких старательных бобров, не отягощенных мыслями и подражающих начальнику вплоть до узла на галстуке и царапины на подбородке, всегда замечают. Продвигают. Выдвигают. В банках, страховых бюро, крупных электрических фирмах, ракетостроительных компаниях, университетах. Рэглу доводилось таких видеть – лаборантов на кафедрах, читающих какой-нибудь заумный курс вроде обзора христианских еретических сект V века и одновременно лезущих из кожи, мостя себе дорогу наверх. Некоторые из них готовы собственных жен выставить в качестве приманки для начальства…

И все же Билл Блэк чем-то нравился сорокашестилетнему Рэглу. Парню было не больше двадцати пяти, он рационально, житейски мудро смотрел на вещи. Учился, познавал новое и осмысливал его. С ним можно было поговорить, он не имел застывшего свода моральных ценностей и добродетелей. Живо реагировал на происходящее.

Например, думал Рэгл, если бы телевидение признали в высших кругах, Билл Блэк на следующее утро поставил бы себе цветной телевизор. И в этом что-то есть. Не надо называть его «невосприимчивым» только потому, что он не хочет смотреть Сида Цезаря. Когда начнут кидать водородные бомбы, погасшие экраны никого не спасут. Мы все погибнем.

– Как дела, Рэгл? – спросил Билл Блэк, садясь на диван.

Марго с Джуни ушли на кухню. Вик хмурился, разозленный помехой, – по телевизору показывали последнюю сцену между Цезарем и Карлом Рейнером, и он тщетно пытался на нее настроиться.

– Прилип к ящику для идиотов. – Рэгл улыбнулся Блэку, пародируя его стиль.

Блэк, однако, отнесся к его словам серьезно.

– Великое прошлое нации, – произнес он, усаживаясь так, чтобы не видеть экрана. – Полагаю, это должно мешать тебе в работе.

– Я уже управился, – ответил Рэгл. Сегодня он заполнил форму к шести.

Сцена кончилась, пошел коммерческий ролик, и Вик приглушил телевизор. Теперь его злость обрушилась на рекламу.

– Дурацкие объявления! – заворчал он. – Почему-то на рекламе звук всегда громче, чем обычно. Постоянно приходится убавлять.

– Рекламу, как правило, передают местные станции, – объяснил Рэгл, – а программа принимается с Востока, через ретранслятор.

– Тут только один выход… – сказал Блэк.

– Билл, – перебил его Рэгл, – почему ты носишь такие до смешного тесные брюки?

Блэк улыбнулся:

– Ты что, никогда не заглядываешь в «Ньюйоркер»? Не я их выдумал. И не я отвечаю за мужскую моду, так что не с меня спрос. А мода всегда потешна.

– Но ты вовсе не обязан их поощрять, – возразил Рэгл.

– Когда приходится работать с людьми, – ответил Блэк, – себе не принадлежишь. Носишь то, что принято носить. Разве не так, Виктор? Ты работаешь с людьми, ты со мной согласишься.

– Вот уже десять лет как я ношу обычную белую рубашку и шерстяные брюки, – сказал Вик. – Очень удобно для работы.

– Ты еще носишь фартук, – заметил Блэк.

– Только когда вожусь с салатом.

– Кстати, – поинтересовался Блэк, – как идет розничная торговля? По-прежнему туго?

– Идет помаленьку, – ответил Вик. – Хотя и не так, как хотелось бы. Мы полагаем, что где-то через месяц дела наладятся. Это же цикл. Зависит от сезона.

Рэгл сразу же почувствовал перемену в тоне зятя; как только речь заходила о бизнесе, его бизнесе, Вик начинал говорить профессионально, сдержанно и тактично. Бизнес никогда не прекращался совсем и всегда был на грани улучшения. Как бы низко ни опускался индекс деловой активности по стране, на частное предпринимательство это почти не влияло. Спрашивать про бизнес – все равно что спрашивать про здоровье, подумал Рэгл. В любом случае ответят «нормально». И даже если скажут «ужасно» или «улучшается» – это все равно пустые фразы.

Обращаясь к Биллу, Рэгл спросил:

– А как розничная продажа питьевой воды? Держите рынок?

– Да, люди продолжают купаться и мыть посуду.

В гостиную заглянула Марго:

– Рэгл, ты будешь итальянский кофе? А ты, дорогой?

– Я не буду, – сказал Рэгл. – Свой кофе я выпил за обедом. В сон меня не клонит.

– А я выпью чашечку, – ответил Вик.

– Ласэнь? – спросила Марго всех троих.

– Нет, спасибо, – отказался Рэгл.

– Можно немного – Вик кивнул, и Билл Блэк кивнул вместе с ним. – Тебе помочь?

– Нет, – сказала Марго и удалилась.

– Не очень увлекайся итальянской едой, – посоветовал Рэгл Вику, – слишком калорийная. Сплошная мука да специи. А ты знаешь, что это значит.

– Да, – вступил Блэк, – ты начинаешь округляться, Виктор.

– Чего еще ожидать от птички, устроившейся в кормушке, – пошутил Рэгл.

Вик, похоже, разозлился. Уставившись на Рэгла, он сказал:

– Во всяком случае, это настоящая работа.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Рэгл, хотя прекрасно понял, о чем речь.

За работу Вика полагался твердый оклад, на нее надо уходить утром, а приходить вечером. Не то что у него: целыми днями просиживать дома в гостиной и возиться с вырезками из газеты. «Как ребенок», – однажды сказал Вик, когда они поссорились.

– Я не стыжусь работать в магазине, – ответил Вик.

– Ты не это имел в виду, – сказал Рэгл. По непонятным ему самому причинам он получал удовольствие от подобных нападок на свое участие в объявленном «Газетт» конкурсе. Может быть, чувствовал себя виноватым в бестолковой растрате времени и сил, а может, даже втайне желал, чтобы его порицали. Ведь лучше упреки со стороны, чем точащий изнутри червь сомнения.

Приятно подстегивало то, что своими ежедневными отгадками он зарабатывал больше, чем Вик, гнувший спину в супермаркете. При этом ему не надо ездить в центр на автобусе.

Подойдя к Рэглу, Билл Блэк наклонился, пододвинул стул и, развернув номер «Газетт», доверительно спросил:

– Ты видел это, Рэгл?

На почтительно раскрытой перед Рэглом четырнадцатой странице помещался ряд фотографий мужчин и женщин. В центре было фото Рэгла Гамма, а под ним подпись:

Постоянный победитель конкурса

«Где теперь появится Зеленый человечек?»

знаменитый РЭГЛ ГАММ.

Чемпион страны в течение двух лет.

Такое не удавалось никому.

Остальные изображенные на четырнадцатой странице были меньшими знаменитостями. В конкурсе участвовала вся страна. Ни одной местной газете такие расходы были не под силу, и многие печатные издания выступали спонсорами затеи. Платить приходилось (однажды Рэгл не поленился подсчитать) больше, чем во времена «Старого золота» – знаменитого конкурса середины тридцатых годов, больше, чем в никогда не прекращающемся конкурсе оксидолового мыла. Очевидно, это в какой-то мере поддерживало подписку. В наше время, когда средний человек предпочитает разглядывать комиксы и смотреть телевизор…

«Становлюсь похожим на Билла Блэка, – подумал Рэгл. – Нападаю на телевизор. А ведь это в некотором смысле история нации. Подумать только, в скольких домах люди сидят сейчас перед экранами и говорят: “Что случилось с этой страной? Почему так низко упал уровень образования? Морали? Почему вместо прелестной Джанет Макдональд и Нельсона Эдди, от которых все были без ума, крутят этот бесконечный рок-н-ролл?”»

Сидящий рядом Билл Блэк по-прежнему держал газету раскрытой и постукивал пальцем по фотографии. Очевидно, она произвела на него впечатление. Шутка ли! Старина Рэгл Гамм попал в газету! Его знают от побережья до побережья. Жить рядом со знаменитостью!

– Слушай, Рэгл, – сказал Блэк, – ведь ты имеешь неплохие деньги на этом Зеленом человечке. – В голосе слышалась откровенная зависть. – Посидел пару часов – недельный заработок в кармане.

– Ну да, нашел тепленькое местечко, – иронично бросил Рэгл.

– Нет, я знаю, как много ты работаешь, – заверил Блэк, – но это творческая работа, ты сам себе хозяин. Ее даже нельзя назвать работой в том смысле, что надо сидеть где-нибудь в конторе за столом…

– Я сижу за столом, – вставил Рэгл.

– Но, – не унимался Блэк, – у тебя это все-таки как хобби. Я без всякого пренебрежения, Рэгл. Зачастую люди отдают своему хобби больше сил, чем основной работе. Да я по себе знаю: когда вожусь в гараже с электропилой, с

меня пот градом… Однако здесь есть разница. – Он повернулся к Вику: – Ты понимаешь, о чем я. Рэглу не скучно. Это, как я сказал, творчество.

– Никогда об этом не думал, – признался Вик.

– Значит, ты не считаешь, что Рэгл занят творческой работой? – настаивал на ответе Блэк.

– Нет. Необязательно.

– Как же ты тогда ее назовешь, раз он сам определяет свою жизнь?

– Мне кажется, – ответил Вик, – что Рэгл просто умеет угадывать. Вот и все.

– Угадывать! – вспыхнул Рэгл. – И ты можешь так говорить, каждый день видя мои вычисления? Как я прорабатываю все предыдущие варианты?

Для Рэгла конкурс меньше всего был угадыванием. Угадывать – значит положить перед собой бланк с задачей и ткнуть наудачу в любой из квадратиков. А потом выписать ответ и отослать. И ждать результата.

– Ты же не угадываешь, заполняя налоговую декларацию? – Это было любимое сравнение Рэгла, когда речь заходила о конкурсе. – Только всем это приходится делать раз в год, а мне каждый день. – Повернувшись к Биллу Блэку, он добавил: – Вот представь, что тебе надо ежедневно подавать новую декларацию. Ты просматриваешь все счета, все карточки, все записи, а их тонны, – и так каждый день. Никакого угадывания. Все абсолютно точно. Цифры. Сложение и вычитание. Графики.

Наступило молчание.

– Но тебе это нравится? – спросил наконец Блэк.

– Наверное, – ответил Рэгл.

– Может, научишь меня?

– Нет.

Этот вопрос возникал уже не в первый раз.

– Я не собираюсь соревноваться с тобой. Рэгл рассмеялся.

– Просто время от времени смогу зашибить несколько долларов, – продолжил Блэк. – Ну вот, например, мне надо поставить стенку на заднем дворе, чтобы с улицы не затекала грязь. Материал обойдется долларов в шестьдесят. Предположим, я побеждаю… сколько раз? Четыре?

– Четыре, – подтвердил Рэгл. – Получишь двадцать долларов, и твое имя попадет в список. Тогда начнешь состязаться уже всерьез.

– Будешь соперничать с самим Чарлзом Ван Дореном газетных конкурсов, – вставил Вик.

– Для меня это комплимент, – сказал Рэгл. Но враждебность в голосе зятя испортила ему настроение.

***

С ласэнью разделались мгновенно. После замечаний Билла Блэка и Рэгла Вик чувствовал себя обязанным съесть как можно больше. Марго окинула его критическим взглядом.

– Когда готовлю я, ты так никогда не ешь.

Теперь Вик и сам чувствовал, что перебрал.

– Было очень вкусно, – заявил он бодро.

– Может, – хихикнула Джуни Блэк, – ему стоит пожить у нас? – Ее нахальное миниатюрное личико приняло знакомое многозначительное выражение, что могло только разозлить Марго.

Для женщины в очках Джуни Блэк выглядит потрясающе развращенной, подумал Вик. Пожалуй, она даже привлекательна, хотя ему не нравились ее толстые черные косы. А вообще, его к ней никогда не тянуло. Он не любил маленьких, темноволосых, активных женщин, начинающих приставать к чужим мужьям после первого глотка шерри. Особенно если при этом они так хихикали.

А вот его зять, если верить Марго, на нее клюнул. И Рэгл, и Джуни проводят дома целый день, так что у них масса лишнего времени. И в этом нет ничего хорошего, постоянно подчеркивала Марго. Когда мужчина целый день торчит дома, в то время как все остальные на работе, а вокруг по соседству остаются одни женщины…

– По правде говоря, – признался Билл Блэк, – это не Джуни готовила. Мы все купили по дороге домой. Есть одно местечко на Плам-стрит.

– Понятно, – протянула Марго. – Что ж, очень вкусно.

Джуни Блэк, не смутившись, рассмеялась.

После того как женщины убрали со стола, Билл предложил сыграть пару партий в покер. Они немного поспорили, затем появились фишки, колода карт, и наконец все уселись за игру. По центу за фишку, без козырей.

Так проходили два вечера в неделю. Никто не мог вспомнить, с чего все началось. Кажется, начало положили женщины, так как больше всех любили играть Марго и Джуни.

В разгар игры появился Сэмми.

– Пап, – сказал он, – можно, я тебе что-то покажу?

– А я думал, куда ты подевался? Целый день тихо… Ну что там у тебя?

Вик закончил кон и теперь мог поговорить. Скорее всего, сын просто хотел посоветоваться.

– Только не кричи, – предупредила Марго. – Видишь, мы играем в карты.

Напряженное выражение лица и дрожь в голосе выдавали хороший расклад.

– Пап, я не знаю, как подключить антенну, – сказал Сэмми, поставив рядом с фишками Вика металлическую раму с проводами и сопротивлениями.

– Что это? – озадаченно спросил Вик.

– Детекторный приемник.

– Что значит «детекторный приемник»?

– Это я его научил, – сказал Рэгл. – Как-то раз я рассказывал про Вторую мировую войну, и речь зашла о точке, где я служил.

– Радио, – повторила Марго. – Разве это современно?

– Так вот эта штука, – вмешалась Джуни Блэк, – и есть радио?

– Очень примитивное, – ответил Рэгл. – Примерно так выглядела первая модель.

– А его не ударит током? – встревожилась Марго. – Это не опасно?

– Исключено, – заверил Рэгл. – Здесь нет напряжения.

– Ну-ка, взглянем, – сказал Вик. Он повертел металлическую раму, искренне желая что-либо понять и помочь сыну. Суровая правда состояла в том, что в электронике он совершенно не смыслил, и это было очевидно. – Что ж, – проговорил он неуверенно, – наверное, где-то короткое замыкание.

– А помните, – воскликнула Джуни, – какие радиопередачи мы слушали до войны? «Дорога жизни»… А мыльные оперы? «Веселый Мартин»!

– «Веселая Марлин», – поправила Марго. – Это было… страшно сказать… двадцать лет назад!

Напевая под нос мотив из «Веселой Марлин», Джуни раздала карты.

– А я иногда скучаю без радио, – призналась она.

– У тебя есть радио плюс изображение, – сказал Билл Блэк. – Радио – всего-навсего звуковая часть телевидения.

– Что ты будешь ловить своим детекторным приемником? – спросил сына Вик. – Разве еще остались радиостанции?

Он был уверен, что все радиостанции уже несколько лет как свернули работу.

– Вероятно, удастся принимать переговоры кораблей с берегом, – сказал Рэгл. – Инструкции на посадку самолетов.

– Полицейские вызовы! – выкрикнул Сэмми.

– Правильно, – кивнул Рэгл. – В полиции до сих пор используется радиосвязь между машинами. – Протянув руку, он взял у Вика приемник. – Я попозже посмотрю эту схему, Сэмми. А сейчас у меня слишком хорошие карты. Как насчет завтра?

– Может, – предположила Джуни, – Сэмми будет ловить переговоры летающих тарелок.

– Ну да, – кивнула Марго. – Нужно только настроить приемник.

– Летающих тарелок не бывает, – пробормотал Билл Блэк, изучая карты.

– Прямо-таки! – язвительно откликнулась Джуни. – Сколько людей их уже видели. И ты не веришь документальным свидетельствам?

– Метеозонды, – сказал Билл Блэк. Вик с ним согласился, и Рэгл тоже кивнул. – Метеоры, – продолжил Блэк. – Атмосферные явления.

– Вот именно, – подтвердил Рэгл.

– А я читала, что некоторым доводилось в них летать, – произнесла Марго.

Все рассмеялись, кроме Джуни.

– Правда, – настаивала Марго. – И по телевизору говорили.

– Я готов признать, – сказал Вик, – что существуют весьма странные типы шаров.

Он вспомнил собственный случай. Прошлым летом во время поездки за город ему довелось увидеть, как яркий предмет пронесся по небу со скоростью, недоступной даже для реактивного самолета. Он вообще больше походил на ракету. В одно мгновение перечеркнул все небо и скрылся за горизонтом… А иногда по ночам слышится гул, словно тяжелые самолеты пролетают на малой высоте. При этом дрожат стекла, так что предположение Марго насчет шумов в голове нелепо. Она вычитала в медицинском журнале, что при высоком давлении бывают шумы в голове, и теперь настаивала, чтобы Вик сходил к доктору провериться.

Он отдал недоделанный приемник сыну и взял со стола карты.

– Мы установим этот приемник в качестве официального клубного оборудования, – важно сообщил Сэмми. – Закроем его в помещении клуба, и пользоваться им смогут только имеющие особый допуск.

На заднем дворе объединенные стадным инстинктом соседские ребятишки соорудили из досок и обломков ящиков прочное, хотя и весьма уродливое строение. Теперь несколько раз в неделю там устраивались торжественные сборы.

– Прекрасно, – сказал Вик, глядя в карты.

– Если он говорит «прекрасно», – заметил Рэгл, – значит, у него ничего нет.

– Я тоже обратила внимание, – согласилась Джуни. – А если он бросает карты и отходит от стола, значит, у него четыре одной масти.

Вику, кстати, действительно очень хотелось отойти от стола; ласэнь и итальянский кофе не пошли впрок: он уже поел до прихода гостей, и теперь все в желудке перемешалось и бурлило.

– Может, у меня и правда четыре одинаковых… – сказал он.

– Ты очень бледен, – заметила Марго. И добавила, обращаясь к Рэглу: – А вдруг у него в самом деле что-то есть?

– Похоже на азиатский грипп, – пробормотал Вик. Отодвинув стул, он поднялся. – Сейчас вернусь. Только приму что-нибудь от живота.

– О боже! – воскликнула Джуни. – Он действительно переел. Ты была права, Марго!.. Если он умрет, это будет на нашей совести.

– Не надейтесь, – буркнул Вик. – Что мне выпить? – спросил он у жены, которая отвечала в доме за все, в том числе и за лекарства.

– Там в ванной есть аптечка, выпей драмамина, – ответила Марго, не отрываясь от карт.

– Слушай, ты же не станешь пить транквилизаторы при расстройстве желудка? – встревожился Билл Блэк, когда Вик направился к дверям. – Это, пожалуй, слишком.

– Драмамин не транквилизатор, – пробубнил Вик, – а успокоительное.

– Это одно и то же, – донесся до него голос Блэка.

– Черта с два, – простонал Вик, мучаясь от боли. Он протянул руку, пытаясь нащупать шнур выключателя.

– Поторопись, дорогой! – крикнула ему Марго. – Сколько тебе карт? Мы хотим играть, ты нас задерживаешь.

– Ладно, – пробормотал он, все еще пытаясь включить свет. – Оставьте мне три карты. Те, что сверху.

– Ну нет! – крикнул Рэгл. – Давай возвращайся и бери сам. А то скажешь, что мы их подменили.

Вик все еще не мог найти шнур выключателя, который болтался где-то в темноте ванной комнаты. Тошнота и раздражение нарастали, он принялся лихорадочно шарить в пустоте, растопырив пальцы и описывая круги руками. Ударился головой об угол аптечки и выругался.

– У тебя все в порядке? – спросила Марго. – Что там происходит?

– Не могу нащупать шнур!

Вик едва сдерживал ярость. Теперь ему хотелось принять таблетку и поскорее вернуться к игре. Есть же у некоторых вещей такое свойство бесследно исчезать… Вдруг до него дошло, что в ванной никогда не было выключателя со шнуром. Был самый обычный настенный выключатель на уровне плеча у самой двери. Вик сразу же нашел его, включил свет и взял с полки баночку с таблетками. Потом принял одну, запил водой и поспешил в гостиную.

«Почему я начал искать этот шнур? – думал Вик. – Вполне конкретный шнур, в определенном месте. Я ведь не шарил наугад, как если бы оказался в незнакомой комнате. Я ловил шнур выключателя, который дергал много раз. Столько, что успел закрепиться условный рефлекс».

– Случалось с кем-нибудь такое? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Играем, – сказала Марго.

Вик взял три новые карты, сделал ставку, проиграл, после чего откинулся в кресле и закурил. Джуни Блэк собрала выигрыш с обычной своей затаенной улыбкой.

– Что случилось? – спросил Билл Блэк.

– Искал выключатель, которого никогда там не было.

– А я думала, чем ты занимался столько времени? – съязвила раздраженная проигрышем Марго.

– Где я мог привыкнуть к выключателю на шнуре? – спросил ее Вик.

– Вот уж не знаю.

Он прокручивал в сознании все выключатели, какие только мог вспомнить. Дома, в магазине, у друзей. И все были кнопочные.

– Сейчас выключателей со шнуром почти не осталось, – сказал он вслух. – Они вышли из моды.

– Очень просто, – объяснила Джуни. – Детские воспоминания. Много-много лет назад, в тридцатые годы, когда все жили в старомодных домах, которые, конечно, не были еще старомодными, ты, видно, и привык…

– Почему же это всплыло сейчас? – спросил Вик.

– Это любопытно, – заметил Билл Блэк, и Вик кивнул.

– А что? – начал Билл. Он интересовался психоанализом и частенько пересыпал речь фрейдистским жаргоном, уверенный, что это первый признак культурности. – Вызванное стрессом возвращение в детство. Ты плохо себя чувствуешь. Подсознательное напряжение свидетельствует о внутреннем заболевании. Очень часто на период болезни взрослые превращаются в детей.

– Какая чушь, – пробормотал Вик.

– Просто где-то есть выключатель, который ты не можешь вспомнить, – предположила Джуни. – На какой-нибудь заправке, куда ты гонял свой старый «додж», съедавший так много бензина. Или еще где-нибудь – в прачечной или в баре, то есть в любом месте, где ты бываешь пару раз в неделю.

– Меня это тревожит, – сказал Вик. Теперь ему не хотелось играть в покер, и он отсел подальше от стола.

– Тебе нехорошо? – поинтересовалась Марго.

– Выживу, – буркнул Вик.

У всех, похоже, пропал интерес к случившемуся. Кроме, может быть, Рэгла. Он смотрел на Вика с непонятным любопытством, словно хотел расспросить о чем-то еще, но по непонятным причинам себя сдерживал.

– Давайте играть, – не выдержала Джуни. – Кто сдает?

Билл Блэк взял карты. В блюдце посыпались монеты. В соседней комнате звучала по телевизору танцевальная музыка, экран был затемнен.

Наверху в своей комнате Сэмми трудился над детекторным приемником.

В доме было тепло и спокойно.

«Что же не так? – не мог успокоиться Вик. – С чем я столкнулся там, в ванной? И какое место мне никак не удается вспомнить?»

Глава 3

Бреясь перед зеркалом в ванной, Рэгл Гамм услышал, как на крыльцо бросили утреннюю газету. Судорога свела руку, он едва не порезался и быстро опустил бритву. Потом глубоко вздохнул, на мгновение прикрыл глаза и продолжил бритье.

– Ты скоро? – крикнула сестра из-за закрытой двери.

– Да. – Рэгл умылся, освежил лицо лосьоном, вытер шею и руки и открыл дверь. Взору предстала Марго в халате, тут же прошедшая в ванную.

– Кажется, принесли твою газету, – сказала она через плечо, закрывая дверь. – Мне надо отвезти Вика в магазин, вытолкай Сэмми на крыльцо, ладно? Он на

кухне.

Плеск воды заглушил ее голос.

В спальне Рэгл надел рубашку, потом придирчиво осмотрел свои галстуки, выбрал шерстяной, темно-зеленый, повязал его, надел пиджак и только после этого произнес:

– Теперь газета.

Но прежде чем выйти за ней, принялся перебирать блокноты, карты, папки и графики, приспособления для просмотра данных на экране… Сегодня, начав с этого, он отсрочил встречу с газетой на одиннадцать минут. Рэгл приготовил стол в прохладной и влажной после ночи гостиной. Пахло сигаретами. Наконец он подошел к парадной двери и распахнул ее.

Там, на цементном крыльце, свернутая трубочкой и схваченная резинкой, лежала «Газетт».

Рэгл поднял ее и сдернул резинку.

Несколько минут он просматривал новости на первой странице. Прочел о состоянии здоровья президента Эйзенхауэра, о национальной задолженности, о проделках хитрых лидеров Ближнего Востока. Затем сложил и перевернул газету и прочел страницу юмора. Потом письма в редакцию.

Пока он читал, Сэмми протиснулся мимо и выскочил на улицу.

– Пока! – крикнул мальчик. – Увидимся вечером!

– Давай, – машинально ответил Рэгл.

Потом с ключами от машины в руке появилась Марго. Отперла дверцу и скользнула внутрь, завела мотор. Пока он прогревался, Марго протерла запотевшие стекла. Утро выдалось свежим. По улице семенили в сторону школы дети. Проезжали машины.

– Я забыл про Сэмми, – сказал Рэгл, когда Вик вышел на крыльцо. – Он, кажется, двинул своим ходом.

– Не волнуйся, – ответил зять. – Смотри не перетрудись над конкурсом.

С переброшенным через руку пиджаком Вик спустился к машине. Спустя мгновение Марго включила передачу, и они с ревом понеслись по прохладной улице к центру.

До чего же шумные эти маленькие машины, подумал Рэгл.

Он оставался на крыльце и упорно читал газету, пока холодный утренний воздух не загнал его в комнату.

***

Шестнадцатую страницу, на которой печатался бланк конкурса «Где теперь появится Зеленый человечек?», открывать не хотелось. Бланк занимал почти всю полосу, оставалось лишь немного места для разъяснения правил и условий конкурса и для информации о предыдущих победителях. Помещался также список оставшихся участников конкурса; их имена были набраны самым мелким в газете шрифтом. Имя Рэгла, само собой, печатали крупным. В отдельном оформлении. Каждый день он видел его в одном и том же месте. Остальные имена, внизу, менялись, не задерживаясь в сознании.

Каждый день газета давала к очередному заданию примерный набор ключей. Рэгл всегда их прочитывал как разминку перед решением основной задачи. А она состояла, как всегда, в угадывании одного из 1208 квадратиков, напечатанных на бланке.

Никакой пользы от предлагаемых к заданию ключей не было, тем не менее Рэгл полагал, что косвенная информация в них все-таки заложена, и взял за правило все запоминать, надеясь, что это воздействует на его подсознание.

«Глоток ласточки, огромный, как миля». Наверное, тут дело в потоке ассоциаций… Рэгл позволил зашифрованному сообщению улечься в сознании, погрузиться в его глубины. Освободить рефлексы, или как это называется…

Глоток предполагает еду. А ласточка, конечно, полет. А разве полет не символизирует секс? Ласточки, кстати, всегда возвращаются в Капистрано, это в Калифорнии. Вся фраза почему-то напомнила ему пословицу «Птичка по зернышку клюет и сыта бывает». Тогда почему «огромный, как миля»? Кто у нас огромный? Кит? Большой синий кит. Заработали ассоциации? Может, кто-то летит над водой в Калифорнию? Потом Рэгл подумал об арке и голубке. Оливковая ветвь. Греция. Значит, это имеет отношение к кухне. Потому что все греки занялись ресторанами. Снова еда. И голуби, кстати, деликатес для гурмана.

«Колокольчик звонит динь-динь!» Ерунда, конечно. Что-то тут есть гомосексуальное. «Колокольчик», «динь-динь». Или Джон Донн: «По ком звонит колокол?» Есть еще книга Хемингуэя. К тому же в колокольчик часто звонят, когда подают чай. Позвоните, пусть принесут чаю!.. Серебряный колокольчик. Цель! Цель – Капистрано, куда возвращаются ласточки. Подходит.

Пока он размышлял над ключами, возле дома раздались чьи-то шаги. Отложив газету, Рэгл проскользнул к окну в гостиной.

У крыльца стоял высокий, стройный, средних лет человек в твидовом костюме и с сигарой в зубах. Выглядел он весьма респектабельно, как министр, священник или налоговый инспектор. Под мышкой он держал папку. Рэгл узнал его. Это был человек из «Газетт», он уже приходил несколько раз: иногда приносил чек, который обычно Рэгл получал по почте, или выяснял какие-либо неясности в ответах. Рэгл растерялся: что привело Ловери на сей раз?

Не торопясь, гость поднялся по ступенькам и позвонил.

Колокольчик, подумал Рэгл. Посланник. Может, ключ в газете должен был подсказать, что придет Ловери?

– Добрый день, мистер Ловери, – улыбнулся он, распахивая дверь.

– Здравствуйте, мистер Гамм! – Ловери сиял радостью, ничего напускного или сулящего дурные вести в его поведении не было.

– Что-нибудь случилось?

При необходимости Рэгл умел жертвовать приличиями.

Ловери перекатил во рту сигару, взглянул на него и сказал:

– Занес пару чеков. В газете решили, что вам будет приятно, если я принесу их на дом. А мне все равно в эту сторону.

Он обвел взглядом гостиную.

– Кроме того, хотел кое-что у вас спросить. Просто удостовериться. Насчет ваших вчерашних ответов.

– Я послал шесть, – сказал Рэгл.

– Да, мы все получили, но… – Ловери подмигнул, – вы же не указали их порядок.

Открыв папку, он выложил все шесть бланков, уже сфотографированных и уменьшенных до удобных размеров. Вручив Рэглу карандаш, Ловери продолжил:

– Я знаю, это всего лишь недосмотр с вашей стороны… но нам надо, чтобы вы их пронумеровали.

– Черт побери! – выдохнул Рэгл. Неужели в спешке?.. Он быстро проставил цифры от одного до шести. – Вот, – сказал он, возвращая бланки.

Какая досадная оплошность! Когда-нибудь она может стоить ему победы в конкурсе.

Ловери сел, взял бланк, помеченный цифрой 1, и изучал его довольно долго.

– Правильно? – не выдержал Рэгл, хотя понимал, что Ловери не может знать ответа. Бланки отсылались в штаб-квартиру конкурса в Нью-Йорк или Чикаго, где и происходило самое главное.

– Ну, – откликнулся Ловери, – время покажет. Но вы именно этот ответ считаете номером первым? Основным вариантом?

– Да, – кивнул Рэгл.

Между ним и организаторами конкурса существовало негласное соглашение, по которому ему позволялось представлять несколько вариантов ответов на ежедневные задания. Вплоть до десяти, но Рэгл обязан был пронумеровать их в порядке предпочтения. Если номер первый оказывался неверным, его просто уничтожали, как будто его и не было, правильным считался номер второй – и так далее, до конца. Обычно он был настолько уверен, что ограничивался тремя или четырьмя вариантами. Конечно, в газете предпочитали, чтобы вариантов было меньше. Кроме Рэгла, насколько ему было известно, никто не пользовался подобными привилегиями. Цель же была очевидна: не дать ему выйти из игры.

Они сами это предложили после того, как Рэгл ошибся на несколько клеток в выборе правильного квадрата. Обычно его ответы ложились очень кучно, но иногда он не мог выбрать между довольно далеко отстоящими квадратами. В таких случаях приходилось рисковать, и порой интуиция его подводила. Когда Рэгл чувствовал, что решение укладывается в определенную область, он не волновался. Тот или иной из его ответов оказывался правильным. За два с половиной года он ошибся восемь раз. То есть восемь раз ни один из его ответов не был верен. Однако организаторы позволили ему продолжать. В правилах было оговорено, что Рэгл мог как бы «занимать» из прошлых правильных ответов. Ошибаться разрешалось один раз из тридцати. Так все и шло. С помощью подобных уловок он оставался постоянным участником конкурса. Никто, кроме организаторов, не знал об ошибках Рэгла Гамма. Это была тайна – его и конкурса. И никто не был заинтересован в ее раскрытии.

Теперь популярность всего мероприятия во многом зависела от Рэгла. Почему публике хочется, чтобы побеждал один и тот же человек, Рэгл не понимал. Ведь он побеждал за счет других участников. Очевидно, тут уже проявлялись законы общественного сознания. Его имя узнавали. Ему так и объяснили: людям нравится видеть знакомые имена, они не любят перемен. Действует закон инерции. Пока имени Рэгла не было в списке, он никому не был нужен. Теперь оно появилось – и дело пошло своим ходом. На Рэгла Гамма работает статическая сила. Мощное давление инертных масс направлено сейчас в его сторону. Он «попал в струю», как сказал бы Билл Блэк.

Ловери сидел, скрестив ноги, курил и хмурился.

– Вы еще не смотрели сегодняшнюю загадку?

– Нет, – ответил Рэгл. – Только ключи. Они что-нибудь означают?

– Не буквально.

– Это понятно. Я спрашиваю, означают ли они что-нибудь вообще? По виду или по форме? Или все для того, чтобы убедить нас, что кто-то наверху знает ответ?

– К чему это вы? – несколько раздраженно спросил Ловери.

– У меня есть теория, – сказал Рэгл. – Не очень серьезная, но весьма забавная. Правильного ответа, возможно, не существует.

Ловери удивленно поднял брови:

– На каком же тогда основании один ответ объявляют верным, а остальные – ошибочными?

– Может быть, вы просматриваете варианты и выбираете тот, который вам нравится. Эстетически.

– Судите о нас со своих позиций?

– Со своих позиций?

– Ну да, – подтвердил Ловери. – Вы работаете с эстетической, а не с рациональной точки зрения. Вот вы придумали сканеры. Просматриваете ответ во времени и в пространстве. Пытаетесь заполнить пробел. Завершить образуемый рисунок. Предугадать следующую линию. Это не рациональный, не интеллектуальный процесс. Так работают, ну… гончары. Нет, я ничего не имею против. Как вам это удается – ваше дело. Во всяком случае, ничьими подсказками вы не пользуетесь. Сомневаюсь, чтобы вы вообще хоть раз разобрались в смысле этих ключей. Иначе бы не задавали таких вопросов.

«Нет, – подумал Рэгл. – Вашими намеками я никогда не пользовался».

Собственно говоря, ему и в голову не приходило, что кто-либо всерьез пытается извлечь из ключей конкретную информацию. Вроде того, чтобы соединить первые буквы каждого третьего слова, прибавить десять и получить номер нужного квадрата. При этой мысли он засмеялся.

– Вы смеетесь? – спросил Ловери очень серьезно. – Зря, на кон поставлены большие деньги.

– Я просто подумал о Билле Блэке.

– Кто это?

– Сосед. Просит научить его угадывать.

– Если вы используете эстетический подход…

– …то это невозможно, – закончил Рэгл. – Биллу не повезло. Поэтому я и смеюсь. Он будет разочарован, а ему так хочется перехватить парочку долларов.

С ноткой негодования Ловери произнес:

– Вас не волнует, что ваш талант нельзя передать? Что вы работаете не осознанным рациональным методом, а скорее… – Он пытался найти нужное слово. – Бог его знает. Во всяком случае, от удачи ваши результаты не зависят.

– Рад, что есть люди, которые это понимают.

– Да разве можно поверить в то, что вы день за днем просто угадываете? Смешно. Шансы ничтожны. Все равно что найти бобы на Бетельгейзе.

– Бетельгейзе?

– Это далекая звезда. Я образно говорю. В любом случае мы понимаем, что об отгадывании речь идти не может. Разве что на последней стадии, когда остается выбрать между двумя или тремя квадратами.

– Тогда я бросаю монету, – согласился Рэгл.

– Но когда… – задумчиво проговорил Ловери, потирая подбородок и покачивая сигарой, – когда встает вопрос о двух или трех квадратиках из тысячи, это уже не играет роли. На этой стадии угадать может любой из нас.

Рэгл не возражал.

***

В гараже своего дома Джуни Блэк присела перед стиральной машиной, запихивая в нее белье. Цементный пол под босыми ногами был холодным. Она поежилась, встала и засыпала в машину стиральный порошок. Потом прикрыла стеклянную дверцу и нажала кнопку. Белье за стеклом завертелось. Джуни взглянула на часы и вышла из гаража.

– Ой! – вздрогнула она, чуть не столкнувшись с Рэглом.

– А я подумал – дай-ка загляну, – сказал он. – Сестра занялась глажкой, весь дом провонял жженым крахмалом. Знаешь, как будто в старый нефтяной бак накидали утиных перьев и битых пластинок, перемешали и подожгли.

Джуни заметила, что краем глаза он следит за ее реакцией. Густые, соломенного цвета брови сошлись на переносице, а огромные плечи сгорбились, когда он стиснул руки. При свете дня казалось, что Рэгл густо загорел. Джуни вдруг стало интересно, как у него это получается: она сколько ни загорала, никогда так не выглядела.

– Что это на тебе? – спросил Рэгл.

– Джинсы.

– Штаны, – уточнил он. – Было время, я мучился над вопросом, почему мне так нравятся женщины в штанах, но потом сказал себе: а почему бы, черт побери, и нет?

– Спасибо, – улыбнулась Джуни. – Это комплимент?

– Ты вообще неплохо смотришься, – продолжал Рэгл. – Особенно босая. Знаешь, как в фильмах, где героиня шлепает по песчаным дюнам, воздев руки к небу.

– Ладно, как сегодняшний конкурс?

Он пожал плечами. Было видно, что об этом говорить ему не хочется.

– Вот, решил прогуляться немного.

Рэгл снова искоса взглянул на нее. Конечно, это был просто знак внимания, но Джуни всегда в такие минуты казалось, что у нее расстегнулась пуговица; так и подмывало украдкой осмотреть свой наряд. За исключением босых ног и полоски кожи между рубашкой и джинсами, все было нормально.

– Открытая талия, – сказала она.

– Ну да, я вижу.

– Ничего? – У нее это звучало как шутка.

– Слушай, – почти резко перебил Рэгл. – Я думал, может, ты не откажешься сходить искупаться? День хороший, тепло.

– У меня столько дел по дому, – ответила Джуни. Но было видно, что предложение пришлось ей по душе.

В северной части города, где начинались дикие холмы, находился парк, а в нем игровые площадки и бассейн. В основном там проводили время дети, иногда – взрослые, временами наведывались подростковые шайки. Джуни нравилось бывать в подобных местах, она сама лишь несколько лет назад закончила школу, и переходный период давался ей нелегко. Она все еще относила себя к удалым компаниям, шокирующим благопристойную публику гремящими радиолами: девочки в свитерах и носочках, мальчики в джинсах и тоже в кашемировых свитерах…

– Возьми купальник, – сказал Рэгл.

– Ладно, – кивнула Джуни, – на часок можно, но потом мне надо вернуться… А Марго не видела, что ты зашел сюда? – Она уже поняла, что потрепаться Марго любит.

– Нет. – Рэгл покачал головой. – Она занята своей глажкой. И ничего вокруг не замечает.

Джуни выключила стиральную машину, взяла пляжные вещи, и вскоре они с Рэглом уже ехали по городу в сторону парка.

Рядом с Рэглом было спокойно. Джуни всегда привлекали большие и крепкие мужчины, особенно те, что постарше. Рэгл идеально соответствовал ее запросам. Не говоря уж о его жизненном опыте: участие в боевых действиях на Тихом океане, общенациональная известность благодаря газетному конкурсу! Ей нравилось его резкое, суровое, иссеченное глубокими морщинами лицо настоящего мужчины, без признаков второго подбородка или одутловатости. Волосы Рэгл никогда не расчесывал, они лежали выгоревшей светлой копной. Причесывающиеся мужчины казались Джуни изнеженными маменькиными сынками. Билл, например, каждое утро полчаса укладывал волосы. Сейчас, слава богу, он подстригся и стал меньше времени тратить на туалет. Ей было противно прикасаться к стриженым волосам – все равно что трогать зубную щетку. К тому же Билл просто создан был для своего узкого пиджака, казалось, у него напрочь отсутствовали плечи. Единственный вид спорта, которым когда-либо занимался Билл, был теннис, от чего Джуни просто тошнило. Мужчина в шортиках, носочках и теннисных тапочках! Студенту колледжа это еще простительно. Билл действительно учился в колледже, когда они познакомились.

– Тебе не бывает одиноко? – спросила она Рэгла.

– А?

– Ты ведь не женат. – Большинство ее одноклассников были уже женаты, все, кроме самых неисправимых. – Я понимаю, здорово жить с сестрой и зятем, но разве тебе не хочется иметь собственный дом и жену?

Джуни сделала ударение на слове «жена». Подумав, Рэгл сказал:

– Рано или поздно так оно все и будет. Проблема в том, что я лодырь.

– Лодырь, – повторила она, подумав о деньгах, которые он заработал на конкурсе. Один бог знает, сколько там уже набежало.

– Я вообще не люблю постоянства, – объяснил Рэгл. – Наверное, я стал кочевником на войне. Да и раньше наша семья то и дело переезжала. Отец с матерью разошлись. Так что у меня глубоко личное неприятие стабильности… Просто боюсь оказаться ограниченным домом, семьей и детишками. Шлепанцы и трубка.

– Ну и что?

– Я ведь уже прошел через все это. Когда был женат.

– О! – заинтересованно воскликнула Джуни. – И когда же это было?

– Сто лет назад, – сказал Рэгл. – Еще до войны. Мне едва исполнилось тогда двадцать. Познакомился с девушкой, секретаршей из фирмы по перевозкам. Родители – поляки. Очень красивая, живая и сообразительная. Только вот слишком много у нее было претензий. Ей хотелось пробиться в то общество, где дают вечера в саду. Жареное мясо в собственном патио.

– Не вижу ничего плохого. – Джуни пожала плечами. – Это естественно – стремиться к изящной жизни.

Она переняла это выражение из подписного журнала «Как украсить свой сад и дом».

– Ну вот, а я – лодырь, – проворчал Рэгл, давая понять, что тема исчерпана.

Начались холмы. Иногда приходилось в прямом смысле слова карабкаться. Дома были окружены просторными лужайками с террасами из цветов и поражали размерами и роскошью – дома богатых людей. Улицы совершенно не походили одна на другую. Временами попадались густые рощицы. А в конце Олимпик-драйв начинался настоящий лес.

– Хотела бы я здесь жить, – мечтательно произнесла Джуни.

«Во всяком случае, лучше, – подумала она, – чем наши типовые домики без фундамента. И крыши здесь не сносит первым же порывом ветра».

Высоко в небе между облаков быстро двигалась серебристая точка. Спустя мгновение донесся слабый, приглушенный гул.

– Реактивный, – сказала Джуни.

Рэгл замер на тротуаре и, прикрыв рукой глаза, вглядывался в небо.

– Смотришь, не русский ли это бомбардировщик? – озорным тоном спросила она.

– Хотел бы я знать, что там вообще происходит.

– Интересно, чем занят Господь?

– Нет, Господь тут ни при чем. Я имею в виду всю эту муть, что летает туда-сюда.

– Помнишь, Вик рассказывал вчера, как искал в ванной шнур от выключателя? – спросила Джуни.

– Помню, – выдохнул Рэгл, карабкаясь по склону.

– Я над этим задумалась. Со мной такого не случалось.

– Ну и хорошо.

– Кроме одного раза. Однажды я вышла подмести перед крыльцом. И тут в доме зазвонил телефон. Было это около года назад. А я как раз ждала звонка. – Позвонить должен был одноклассник, но эту деталь Джуни решила опустить. – Ну вот, я бросила щетку и помчалась в дом. Ты же знаешь, что у нас на крыльце две ступеньки?

– Да, – ответил Рэгл, внимательно на нее взглянув.

– Я побежала. И сделала три шага. То есть я думала, что там еще одна ступенька. Нет, я, конечно, не произносила про себя: вот, мол, мне надо подняться на три ступеньки…

– Ты хочешь сказать, что машинально сделала три шага?

– Да…

– Упала?

– Нет. Вот если бы их было три, а я решила, что две, тогда бы я шлепнулась и выбила зубы. А тут – странное ощущение. Пытаешься сделать лишний шаг, а нога проваливается – хлоп!

Джуни замолчала. Каждый раз когда приходилось что-нибудь объяснять, она терялась и путалась.

– Хм, – произнес Рэгл.

– Вик имел в виду что-то подобное?

– Хм, – снова промычал Рэгл, и она оставила эту тему. Было видно, что он не намерен ее обсуждать.

Джуни легла на спину, вытянулась в теплых лучах солнца и закрыла глаза. Она захватила с собой похожее на полотенце одеяло в бело-голубую полоску, на котором сейчас и лежала. Ее черный шерстяной купальник – трусики и лифчик – напоминал Рэглу о прошлом: машины с откидными сиденьями, футбольные матчи и оркестр Глена Миллера. Смешные радиолы из фанеры и дерева, которые они таскали на пляж. Торчащие из песка бутылки из-под кока-колы, длинноволосые блондинки, упирающиеся локтями в песок, как на рекламе «Когда-то я была пугалом».

Он предавался воспоминаниям, пока Джуни не открыла глаза. Как всегда в его присутствии, она была без очков.

– Привет!

– Ты очень привлекательная.

– Спасибо, – улыбнулась Джуни и снова закрыла глаза.

Привлекательная, думал он, хотя и не созревшая. Не то чтобы тупая или умственно отсталая – просто застрявшая на старшем школьном возрасте.

По траве пронеслась визжащая стайка мокрых насквозь ребятишек. В бассейне плескалась молодежь, причем отличить парней от девушек можно было только по купальникам.

Неподалеку на обочине мороженщик развернул свою белую эмалевую тележку; позвякивали колокольчики, созывая детей.

Опять колокольчики, подумал Рэгл. Неужели ключ указывал на то, что я заберусь сюда с Джуни Блэк? С Джунией, как она любит себя называть, следуя испорченному вкусу.

Неужели я могу увлечься маленькой шлюшкой, вчерашней школьницей, выскочившей замуж за скромного трудягу и до сих пор предпочитающей банановый сок и всякую дрянь хорошему вину, доброму виски и даже крепкому темному пиву?

Великие умы, думал Рэгл, теряются при встрече с таким типом сознания. Единство и борьба противоположностей. Инь и ян. Старый доктор Фауст встречает подметающую дорожку крестьянку – и где все его книги, знания, философия?

В начале было Слово.

Или дело, если ты – Фауст.

Склонившись над спящей девушкой, Рэгл прошептал:

– Im Anfang war die Tat…

– Иди к черту, – пробормотала она.

– Ты хоть знаешь, что я сказал?

– Нет.

– И тебе не интересно?

Джуни с усилием открыла глаза и сказала:

– Слушай, все мои языковые познания – это два года испанского в школе. Так что не пудри мне мозги. – Нахмурившись, она повернулась на бок и отодвинулась.

– Это были стихи. Я хотел любить тебя.

Она откатилась назад и уставилась на него.

– Ты хочешь, чтобы я любил тебя? – спросил Рэгл.

– Надо подумать, – прошептала Джуни. – Нет, это у нас не пройдет. Билл или Марго накроют. Хлопот не оберешься, сколько будет неприятностей, тебя, чего доброго, еще попрут с конкурса.

– Все любят любовников. – С этими словами он склонился над ней, взял за горло и поцеловал в губы. Рот у нее оказался сухой и маленький. Девушка попыталась вырваться, и ему пришлось схватить ее за шею двумя руками.

– На помощь, – слабо выдохнула она.

– Я люблю тебя, – сказал Рэгл.

Джуни дико на него посмотрела, зрачки стали горячими и черными, словно она подумала… Бог знает, что она подумала. Может, и ничего. Получилось, как будто он поймал маленького дикого тонкорукого зверька. Зверек был весьма подвижен, сопротивлялся и трепыхался под ним, его коготки впились ему в руку; но он не умел рассуждать, строить планы или смотреть в будущее. Если его

отпустить – отскочит на несколько ярдов, оближет шкурку и все забудет. Страх пройдет, зверек успокоится и даже не вспомнит о случившемся.

«Могу поклясться, она каждый раз удивляется, когда в начале месяца приходит за платой почтальон, – подумал Рэгл. – Какие газеты? Какой почтальон? Почему два пятьдесят?»

– Хочешь, чтобы нас вышвырнули из парка? – прошипела Джуни ему в ухо. Ее лицо было прямо под ним – недовольное, сморщенное, сердитое.

Проходящая мимо пара заулыбалась.

Сознание девственницы, подумал Рэгл. Есть в ней что-то трогательное… наверное, способность забывать, позволяющая каждый раз обретать невинность. Как бы далеко ни заходили ее отношения с мужчинами, она остается прежней. Такой же, как и была. В свитере и туфлях-лодочках. Даже когда ей исполнится тридцать, тридцать пять, сорок. Она станет больше пользоваться косметикой, сделает другую прическу, может быть, сядет на диету. Но в остальном будет неизменной.

– Ты же не пьешь. – От жары и глупой ситуации ему страшно захотелось пива. – Сходим в бар?

– Нет, – отмахнулась она. – Я хочу загорать.

Он помог ей подняться. Она сразу же села, наклонилась, чтобы поправить тесемки и отряхнуть траву с колен.

– Что скажет Марго? – начала Джуни. – Она и так шпионит за нами, вынюхивает, что бы еще откопать.

– Марго, скорее всего, сочиняет свою петицию. Они хотят заставить городские власти расчистить руины.

– Достойное дело. По крайней мере, лучше, чем интересоваться чужой жизнью.

Джуни вытащила из сумки лосьон для загара и принялась втирать его в плечи, демонстративно не обращая на Рэгла внимания.

Он знал, что когда-нибудь своего добьется. Нужно только создать подходящую обстановку и настроение, а игра стоит свеч. Ради этого и поднапрячься не грех.

Ну и дурак же этот Блэк, сказал он себе.

Сразу за парком раскинулось неровное поле в бело-зеленых пятнах, глядя на которые Рэгл вспомнил Марго. Развалины. Отсюда их хорошо видно. Бетонные фундаменты бывшего города. Бульдозер так и не сровнял их с землей. Сами жилые дома и прочие сооружения рассыпались много лет назад, оставив после себя потрескавшиеся, изломанные, пожелтевшие каменные блоки. Отсюда они неплохо смотрелись.

Видны были снующие в развалинах ребятишки. Любимое место для игр. Сэмми тоже частенько там пропадает. Подвалы стали пещерами. Склепами. Наверное, Марго права: рано или поздно кто-нибудь там задохнется или заразится столбняком, оцарапавшись ржавой проволокой.

«А мы сидим здесь, – думал Рэгл. – Загораем на солнышке. В то время как Марго пытается положить муниципалитет на лопатки, принести пользу обществу».

– Что ж, нам пора, – обратился он к Джуни. – Мне еще надо оформить ответ.

«Это моя работа, – иронически подумал он. – А Вик сейчас надсаживается в своем супермаркете, а Билл – в водоканале».

От таких мыслей еще больше захотелось пива. Когда под рукой банка пива, его ничто не может вывести из себя. И щемящее беспокойство ощущается не так остро.

– Слушай, – сказал Рэгл, поднимаясь, – я пройдусь вверх по холму и взгляну, нет ли у них пива. Все может быть.

– Только оденься.

– Ты что-нибудь будешь? Безалкогольное пиво? Кока-колу?

– Нет, спасибо, – ответила Джуни подчеркнуто вежливо.

Пробираясь к киоску по заросшему травой склону, он думал о том, что рано или поздно ему придется столкнуться с Биллом Блэком. В схватке.

Трудно представить, как поведет себя Билл, когда узнает. Может, он из тех, кто без разговоров хватает охотничье ружье двадцать второго калибра и палит по ступившему на священные Елисейские поля, где, кроме него, смеет прогуливаться лишь сам Господь Бог.

Рэгл вышел на цементированную дорожку, вдоль которой стояли деревянные скамейки. На них отдыхали люди, в основном пожилые, – любовались склоном горы и бассейном внизу. Одна толстенькая старушка ему улыбнулась.

«Она что, знает?» – спросил он себя.

То, что она видела там, внизу, – не счастливое весеннее заигрывание, а грех. Почти измена.

– Добрый день, – радушно сказал Рэгл.

Старушка так же радушно закивала в ответ.

Порывшись в карманах, он нашел немного мелочи. У киоска с прохладительными напитками выстроились в очередь ребятишки. Они стояли за пончиками. Кроме того, продавали пироги, эскимо и апельсиновый сок.

Вокруг было спокойно и тихо.

Неожиданно Рэгл испытал острый приступ отчаяния. Как все-таки бездарно он провел жизнь. Полюбуйтесь, в сорок шесть лет человек целыми днями сидит дома и разгадывает дурацкие конкурсные задания из газеты. Ни приличной уважаемой работы. Ни детей. Ни жены. Ни собственного дома. Валяет дурака с соседской женой.

Бессмысленная жизнь. Вик прав.

«Собственно, я могу и бросить этот конкурс, – подумал Рэгл. – Податься куда-нибудь. Попотеть в нефтеносных краях в пробковом шлеме. Или складывать цифры за конторкой в какой-нибудь страховой компании. Или заняться недвижимостью. Все, что угодно, будет солиднее. Ответственнее. А так я все больше застреваю в затянувшемся детстве. Хобби… Все равно что клеить модели самолетиков».

Стоящий впереди ребенок получил свою конфетку и ускакал. Рэгл выложил пятьдесят центов.

– Пиво у вас есть?

Фраза прозвучала неожиданно смешно. Голос Рэгла был тонким и далеким. Продавец в белом фартуке и колпаке замер и уставился на него. Ничего не происходило. И звуки пропали. Дети, машины, ветер – все затихло.

Пятидесятицентовая монета провалилась сквозь дерево, упала и исчезла.

Умираю, подумал Рэгл. Или еще хуже.

Ужас охватил его. Он попытался что-нибудь сказать, но губы не двигались.

«Только не это! – подумал Рэгл. – Только не это опять! Со мной снова происходит то же самое».

Киоск с прохладительными напитками распался на куски. На молекулы. Он видел эти молекулы – бесцветные, вообще никакие; раньше они образовывали киоск. Потом сквозь киоск проступил возвышающийся позади него холм, деревья и небо. Рэгл увидел, как киоск с напитками просто исчез вместе с продавцом, кассовым аппаратом, огромной колбой апельсинового сока, кружочками под кока-колу и безалкогольное пиво, шеренгой заиндевевших бутылок, джемом для бутербродов, грилем для сосисок, банками с горчицей, полками со стаканчиками и целым рядом круглых металлических крышек, под которыми помещались различные сорта мороженого.

На месте всего этого лежал листочек бумаги. Рэгл протянул руку и взял его. Крупными буквами было напечатано:

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

Повернувшись, Рэгл неуверенно пошел назад мимо играющих детей, мимо скамеек со старухами. По дороге сунул руку в карман пиджака и нащупал металлическую коробочку. Потом остановился, открыл ее и взглянул на лежавшие там листки. Добавил к ним еще один.

Итого шесть. Шесть раз.

Ноги подкашивались, на лице выступил ледяной пот. Он стекал за воротник, за зеленый шерстяной галстук.

Рэгл побрел вниз по склону, к Джуни.

Глава 4

После захода солнца Сэмми Нильсон еще целый час носился по развалинам. Вместе с Батчем Кляйном и Лео Тарски они натаскали такую кучу черепицы, что она тянула на серьезную оборонительную позицию. Ее можно было удерживать практически бесконечно. Теперь оставалось только набрать комьев грязи, желательно с длинными пучками травы, чтобы вести обстрел.

Подул вечерний ветер. Дрожа от холода, Сэмми присел за бруствер. Окоп, конечно, следовало углубить. Увидев торчащую из земли доску, он изо всех сил навалился на нее. Доска вывернула из земли несколько кирпичей, кучу золы, корни, траву и грязь. Внизу оказался проем между двумя бетонными плитами, служившими ранее либо фундаментом, либо частью водопровода.

Страшно подумать, что тут может храниться!.. Упав на живот, Сэмми принялся горстями выгребать штукатурку и куски бетона с торчащей проволокой. Руки саднило, но он продолжал лихорадочно работать.

Напрягая зрение, Сэмми разглядел торчащий из расщелины желтый том. Телефонная книга. А за ней – вымоченные дождем журналы.

Он принялся за дело с удвоенной энергией.

***

Перед обедом в гостиной Рэгл попросил Вика уделить ему несколько минут. Увидев мрачное лицо зятя, Вик спросил:

– Хочешь, чтобы я закрыл дверь?

– Не надо, – сказал Рэгл.

– Это касается конкурса?

– Я решил добровольно из него выйти. Для меня это слишком. Напряжение и… Слушай! – Он наклонился к Вику, глаза налились кровью. – Вик, у меня нервный срыв. Марго ничего не говори. – Его голос задрожал. – Я хочу с тобой посоветоваться.

Вик растерянно молчал.

– Это из-за конкурса, – произнес он наконец.

– Может быть. – Рэгл сделал неопределенный жест.

– И давно?

– Уже несколько недель. Два месяца. Не помню.

Он замолчал, уставившись в пол.

– А ты говорил с людьми из газеты?

– Нет.

– Они же поднимут шум.

– Меня это не волнует! Я не могу продолжать. Мне нужно куда-нибудь уехать. Может быть, за границу.

– Дела! – выдохнул Вик.

– Я вымотался вконец. Отдохну полгодика, авось поможет. Могу заняться физическим трудом. Пойду на конвейер. Или поработаю где-нибудь на воздухе. Я хочу поговорить с тобой о финансовой стороне дела. За прошедший год я вносил в среднем около двухсот пятидесяти долларов в месяц на расходы.

– Да, – кивнул Вик. – Я знаю.

– Сможете вы с Марго обойтись без этой суммы? Платить за дом, за машину, за все остальное?

– Конечно, – ответил Вик. – Думаю, сможем.

– Я тебе выпишу чек на шестьсот долларов. На всякий случай. Если возникнет необходимость – используй его. Но лучше сделай вклад. Чеки действуют месяц или около того, а так будешь получать свои четыре процента.

– Ты еще не говорил Марго?

– Пока нет.

В дверях появилась Марго:

– Обед почти готов. Чего это вы сидите тут такие мрачные?

– Дела, – бросил Вик.

– Можно послушать?

– Нет, – сказали они одновременно.

Не говоря ни слова, она вышла.

– Продолжим, – сказал Рэгл, – если ты не против. Я, может быть, лягу в военный госпиталь. Я все-таки ветеран и имею право на медицинское обслуживание. Правда, сомневаюсь, что это по их части. Кроме того, думаю, не использовать ли закон о военнослужащих? Поступить в университет?

– На какой факультет?

– Ну, скажем, на философский.

Вику показалось это странным.

– Зачем? – спросил он.

– Потому что философия – убежище и утешение.

– Не знаю. Может, когда-то и была. Для меня философия – нечто имеющее отношение к теории сверхчувствительной реальности и смыслу жизни.

– Ну и что тут плохого? – упрямо спросил Рэгл.

– Да ничего, если ты уверен, что это поможет.

– Я кое-что прочел в свое время, – сказал Рэгл. – Епископ Беркли. Идеалисты. Ну, например, – он махнул рукой в сторону стоящего в углу пианино, – откуда мы знаем, что это пианино существует?

– Мы этого не знаем, – ответил Вик.

– Может быть, его и нет.

– Ты прости, – смущенно проговорил Вик, – но для меня это все игра слов.

Услышав это, Рэгл побелел как мел, челюсть его отвисла. Уставившись на Вика, он стал медленно подниматься из кресла.

– С тобой все в порядке? – не выдержал Вик.

– Я должен подумать, – с трудом выговорил Рэгл. Он наконец встал. – Ты меня извини. Мы как-нибудь потом поговорим еще. А сейчас обед, или что там…

Рэгл вышел из комнаты.

«Бедняга, – подумал Вик. – Похоже, конкурс его доконал. Еще бы, сидеть целый день в одиночестве… бесцельно».

– Помочь тебе накрыть на стол? – спросил он жену.

– Все готово, – откликнулась Марго.

Рэгл прошел через столовую и скрылся в ванной.

– Что с ним? – поинтересовалась Марго. – Рэгл сегодня не в себе. Какой-то несчастный. Его не исключили из конкурса? Он бы, конечно, мне сказал, но…

– Потом объясню.

Вик обнял и поцеловал жену. Она нежно к нему прижалась.

«Если бы у Рэгла была семья, ему было бы легче, – подумал Вик. – Семья. В этом мире нет ничего более важного. И никто не сможет этого отнять».

***

За обеденным столом Рэгл сидел глубоко погруженный в свои мысли. Расположившийся напротив него Сэмми болтал о своем клубе и его мощной военной технике. Рэгл не слушал.

Слова, думал он.

Центральная проблема философии. Отношение между словом и вещью… Что есть слово? Условный знак. Но мы живем словами. Наша реальность – это слова, а не вещи. Не может быть вещи самой по себе. Это уловка сознания. Слово более реально, чем вещь, которую оно обозначает.

Слово не представляет реальность; слово и есть реальность. Во всяком случае, для нас. Может быть, Бог имеет дело с предметами, мы – нет.

В его пиджаке, висящем сейчас в шкафу, лежала металлическая коробка, а в ней – шесть полосок бумаги.

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

ДВЕРЬ

ЗДАНИЕ ФАБРИКИ

ШОССЕ

ПИТЬЕВОЙ ФОНТАНЧИК

БУКЕТ ЦВЕТОВ

– Сколько можно тебе повторять: не играй там! – Громкий и резкий голос Марго сбил Рэгла с мысли. – Еще раз говорю, Сэмми, не смей! Я не шучу!

– Как продвигаются дела с петицией? – спросил Вик.

– Виделась с каким-то мелким чиновником. Он говорит, что сейчас у города нет средств. Просто зло берет, ведь в прошлый раз они утверждали, что уже заключили контракты и работы начнутся со дня на день. Их ничего не заставишь сделать! Ты просто беспомощен, любой человек против них беспомощен.

– Может, Билл Блэк сумеет затопить эти развалины?

– Ну да, – откликнулась она. – Значит, лучше, если дети там утонут, вместо того чтобы свернуть себе шею?

После обеда, когда Марго мыла посуду на кухне, а Сэмми валялся перед телевизором, Рэгл и Вик продолжили разговор.

– Попроси у организаторов конкурса отпуск, – предложил Вик.

– Сомневаюсь, что они согласятся. – Рэгл достаточно хорошо знал правила.

– А ты попытайся.

– Может быть, – кивнул Рэгл, царапая пятно на столе.

– Надеюсь, ты не из-за меня расстроился?

– Нет, – покачал головой Рэгл. – Если кто и виноват, так это конкурс. И Джуни Блэк.

– Теперь слушай, – сказал Вик. – Ты можешь найти кого-нибудь получше, чем Джуни Блэк. Речь идет даже не о личности, а о социальном статусе.

– Мне трудно думать о социальном статусе Билла и Джуни. И вообще, мне сейчас не до статусов.

– Объясни, что произошло.

– Ничего.

– Нет, объясни.

– Галлюцинация. – Рэгл пожал плечами. – Всего-навсего. Повторная.

– Можешь ее описать?

– Не хочу.

– Я не выведываю. Просто это тревожно. По-моему, тут что-то не так.

– Не так, – согласился Рэгл.

– Я не говорю о тебе, обо мне или еще о ком-либо. Тут дело серьезнее.

– Время, – сказал Рэгл. – Похоже, оно свихнулось.

– Думаю, нам стоит сравнить ощущения.

– Я не стану рассказывать, что произошло со мной. Сейчас ты скорбно покиваешь головой, а завтра или через день будешь трепаться с покупателями, жевать резинку и ляпнешь что-нибудь такое… Поползут невероятные слухи. А с меня сплетен достаточно. Не забывай, я все-таки национальный герой.

– Себя ты всегда защитишь, – возразил Вик. – А так мы могли бы до чего-нибудь докопаться.

Рэгл промолчал.

– Нельзя вот так взять и замкнуться! – не выдержал Вик. – Я отвечаю за жену и сына. Ты что, уже не контролируешь себя? Ты сознаешь, что можешь натворить?

– Ну, на людей я бросаться не стану, – усмехнулся Рэгл. – Во всяком случае, у меня нет причин думать иначе.

– Мы все живем в одном доме, – настаивал Вик. – Представь, что я бы тебе сказал…

– Если почувствую, что становлюсь опасен, – перебил его Рэгл, – тут же уеду. В любом случае уеду, может быть, даже через пару дней. Так что потерпи, и все будет нормально.

– Марго тебя не отпустит.

При этих словах Рэгл рассмеялся:

– Ей придется это сделать.

– А по-моему, главная причина – в твоей неудавшейся любви.

На этот раз Рэгл не ответил. Поднявшись из-за стола, он прошел в гостиную, где Сэмми, улегшись перед телевизором, смотрел «Пушечный дым». Рэгл упал на диван и тоже уставился на экран.

С ним говорить нельзя, понял он. Как плохо. Как чертовски плохо.

– Как тебе вестерн? – спросил он, когда фильм перебили рекламой.

– Классный, – бросил Сэмми. Из кармана его рубашки торчала скомканная бумага. Было видно, что она не раз побывала под дождем.

– Что это у тебя в кармане?

– А! – оживился Сэмми. – Это я строил укрепления в развалинах. Выкорчевал доску – а там целая стопка старых журналов, телефонная книга и еще много всякого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/filip-dik/porvalas-dney-svyazuyuschaya-nit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити